

Мэри

Глава I. Старый жокей

– Да, вы мне более не нужны! Ступайте в контору и получите расчет...

– Но... ваше сиятельство... вы пригласили меня на пять лет. Я уже два раза отказался от выгодных предложений.

– На пять лет!.. Ну да... зная вас за прекрасного жокея... А вы что сделали?.. Осенью провалили Изумруда... Крокусу ноги переломали!.. О, черт возьми!.. Весной вы опозорили меня, пришли последним на Цезаре!..

– Я предупреждал ваше сиятельство: Цезарь болел.

– А-а-а... эти вечные отговорки: насморк, кашель, отскочила подкова, лопнула подпруга... Выдохлись вы со всей вашей славой!

Старый наездник поднял сморщенное бритое лицо и в зеркале над камином увидел тусклые глаза, угрюмо высматривавшие из-под седых бровей, выпуклый голый череп и провалившиеся щеки. Сухая рука нервно сжимала хлыстик с перламутровой ручкой.

Неужели все кончено и пора уходить? Куда?

Он растерянно обводил глазами роскошный кабинет графа, владельца знаменитой конюшни, бронзовые фигурки скакунов-победителей, развешанные по стенам хлысты, подковы и седла и остановился на плотной фигуре хозяина в кресле.

– Вы получили больше, чем стоите! Вы погубили мою репутацию!.. Вы... что вы сделали с Игорем?.. Вы не подготовили его к сроку, и он не попал на приз!..

– Но... молодой граф испортили ему заднюю ногу... на прогулке...

– Ложь! Освистать моих лошадей!.. И он в претензии... «линючий» жокей, как кричали там, на местах!.. Нет, я не могу вас держать... Ступайте...

Старый жокей поклонился.

– Прощайте, ваше сиятельство. Да, ваша конюшня потеряла славу, с ней и я потерял свою... Но я ни при чем.

Забрав чемодан, он поехал в гостиницу. Октябрьский дождь заливал громаду домов, дрожал в лужах, в ушах отдавалось: «линючий... линючий... линючий...»

Кончена жизнь. Вот она, слава, эта подлая жокейская слава! Как повернулось все в этот последний, ужасный год! А раньше...

Публика носила его на руках. Владельцы богатейших конюшен заискивали перед ним, осыпали подарками, переманивали к себе его, бессменного победителя на всех скачках. Ему пожимали руку, его фотографии висели в кабинетах спортсменов. И вдруг... удар за ударом! О, эта конюшня графа Запольского! Лучшие скакуны теряли славу, лист за листом увядал победный веночек наездника. А все этот молодой граф: он из-под рук брал лучших скаковых лошадей, чтобы хвастнуть на прогулках, и портил... Но что поделаешь с графом? Он балует сынка, к тому же он так уверен в жокее! Первым позором Числов был обязан ему, этому крикливому мальчишке. А потом пошли неудачи: сорвалась подкова, лопнуло седло, по настоянию графа пущена больная лошадь...

«Он выдохся, этот старик... Утопил Запольского! – вспомнил жокей крики скаковой публики. – Долой Числова!»

Как ненавистно стало ему в тот памятный день его ремесло! Свист и шум неслись от трибун, где сидит публика; кто-то бросил к его ногам скамейку. Владельцы конюшен, члены, с неудовольствием смотрели на согнувшуюся худую фигуру, а председатель, этот важный седой добряк, остановил его в проходе, ударил по плечу и сказал:

– Плохо дело, старина, плохо... Публика чутка... Уходить надо...

И Числов понял, что теперь все потеряно, что ему не поручат даже самой плохой конюшни.

Грозилась старость, средств нет, а в далеком городке дочь-вдова с двумя ребятишками в покосившемся домике у заставы.

Дождь порывами стучался в окно. Свечка едва освещала крохотный номер.

«Вот и прошла жизнь... – казалось, гудел самовар на кривом столике, – а ты и не заметил!»

Пустая, бесполезная жизнь...

«Ты, дедуска, скакун... поскакай, дедуска!» – вспомнился Числову лепет внучки Надюшки.

По темным квадратам окна ползли дождевые струи.

Глава II. Мэри

Утро было серенькое, тусклое. Числов встал, посмотрел на потертый чемодан и усмехнулся:

– А немного я нажил за тридцать лет! Вот и знаменитый жокей...

Он вспомнил товарищей: Крюков имеет дом, Иванов держит конюшню, Козлов уехал на родину и купил имение. А старый Числов был гол как сокол. Было у него тысяча пять сбереженных, да пропали: купил он красавицу Грёзу, думал призы брать... Он до сих пор не может забыть эту статную, бойкую Грёзу. Ее отравили они, его враги, славу которых затмил старый жокей.

Много денег пропало за хозяевами: один Васильковский тысячи две ему должен. Много пролечил он на зятя, жокея, разбившегося на скачках... А два года, что не работал он сам,

повредив себе ногу! Нечего сказать, славная жизнь! Сколько жокеев кончили дни свои на скаковом ипподроме! Их уносили, а праздная публика ждала новых зрелищ. А искалеченных и пристреленных лошадей сколько!

«Довольно, – думал старый наездник, – восвоеси пора... Поступлю на конский завод... Завтра же еду, вот только с земляком проститься».

Болотников проживал около скачек, и Числов направился к ипподрому.

Вот они, стрельчатые места для публики, сиротливые, заброшенные теперь, в это скучное октябрьское утро. Мокрой лентой тянется забор, тощие липки и грязь, грязь... Пестрыми пятнами торчат на заборе клочья старых афиш. Длинными ящиками растянулись конюшни. Скаковой круг чернеет широкой лентой; каждая выбоина, каждый камень, все тайны грунта знакомы Числову.

Качающейся походкой жокея прошел он мимо трибун, мимо членской беседки. Он хорошо помнит ее: здесь получал он подарки, овалы, деньги... А вот и он, старый знакомец, призовой столб, простой серенький столб. Дождевая вода бежит по его бокам, а на верхушке примостилась ворона.

Числов подошел к столбику, даже рукой похлопал.

– Прощай, братец...

А столбик точил дождевые слезы.

Вон сквозь сетку дождя мелькает на повороте знакомый контур.

«А ведь это Болотников на Ханше проскачку делает...»

Числов пошел по полю, наперерез.

– Петр Иванович, сто-ой!..

Они поздоровались.

– Домой еду... проститься пришел.

– Тебе видней. Сжили тебя, старина... Гальтон слопал!

Гальтон! Старый Числов долго будет помнить его. Ловкий англичанин приехал создавать себе славу, и Числов побил его. О, какой это был триумф! Лучшая лошадь проиграла скачку.

Числова пронесли на руках, музыканты играли туш. Сам граф Запольский лично просил старика принять у него место жокея... Гальтон был рассчитан, но... остался его приятель.

Старый жокей понял только недавно, что из этого вышло. Это он, Шиффер, подрезал подпругу, это он, Шиффер, выгацил гвоздь из подковы, это он, он отравил Грэзу.

– Эх, старина, – сказал Болотников, – слава ты, а чистый младенец. Провели, брат, тебя...

– А-а... не то... Устал я... Пора кончить эту проклятую скачку – ход у меня не тот...

– Ну а я еще... С Гальтоном я посчитаюсь. Вот погоди, весной я буду скакать на Громе... Лэди... будет побита!..

– Как? Ведь это наша лошадь... Запольского...

– А Гальтон-то чей!.. Опять у него... со вчерашнего дня...

– Так вот как... а-а...

– Да, и дал слово поправить «испорченную» конюшню...

– «Испорченную»... дал слово... О, если бы Грэза была у меня!..

Числов сжимал кулаки, тусклые глаза его блеснули.

– Ну, я за тебя побью... Что?

Числов покачал головой.

– Лэди не будет побита, я знаю ее... Это – машина.

– Мой Гром побьет... вот увидишь... Приезжай, брат, смотреть. Да, слышал? Васильковский совсем прогорел, лошадей продает сегодня... Хочешь, посмотрим?..

– Должок за ним есть...

– Вот и получишь... айда!

И они направились к конюшням. Под высоким навесом стояло несколько лошадей в желтых пополах. Возле них ходили жокеи, спортсмены, любители. Сам Васильковский, сухощавый старик в пенсне, шведской куртке и высоких ботфортах[16], с хлыстом, что-то объяснял худенькому жокею в клетчатом пиджаке. Это был Гальтон, жокей графа Запольского.

– Ага, старина... Здорово, здорово... Ну, как ты теперь? – еще издали закричал Васильковский.

– Домой еду... кончил я.

Гальтон подал руку.

– Ви уезжайт пожинаят лавры... в провинц?..

Числов угрюмо взглянул и сказал:

– Пора помирать... где нам лавры!..

– Неужели совсем, а?... – говорил Васильковский. – Жаль, жаль... Те-те... брат, надо нам с тобой рассчитаться, значит... Вот продаю лошадей...

Он заглянул в записную книжку и покачал головой.

– Ого!.. Две тысячи сто... Ну, за мной никогда не пропадало... Эй, выводил!..

Старые знакомцы проходили перед Числовым один за другим. Вот вывели Графа – гнедого, в

яблоках. На нем Числов взял приз и побил Гальтона. Лошадь купили. Вот Стрекоза, стальная, с белым пятном на груди; у ней ослабли задние ноги. Вот еще лошадь: это Шум, вороной с красным подпалом. Его Числов хорошо помнит: на нем скакал его зять и упал. Лошади прошли хорошей ценой. Аукцион кончился.

«И-и-и-их-хи-и-и...» – раскатилось резкое ржанье из глубины навеса.

– Не кричи, не кричи... – ласково сказал Васильковский, оборачиваясь и грозя хлыстиком. – Не терпится...

Он прошел под навес и вывел невысокую лошадь золотистой масти. Темные, стрелками ушки торчали из-под попоны и дергались; маленькая сухая головка игриво поматывалась, словно старалась избавиться от парусинной покрывалки; тонкие ноги, белые снизу, едва ступали. Что-то детское, нежное сквозило во всей фигурке.

– Вот, господа, штучка-то... кто толк понимает!.. Как вы находите, а?.. Только на днях получил с завода... последыш!..

Он сам сбросил с нее покрывалку.

«И-и-и-их-хи-и-и...» – задрожало в ушах детское ржанье.

Всем стало смешно.

– Нельзя так кричать, Мэри! Это, наконец, неприлично... при публике! – сказал Васильковский шутя, как говорят детям.

Он похлопал Мэри по шейке. Маленькая головка гордо поднималась над грудью, над узкой белой полоской. По тонким сухим ногам, под кожей, пробегали легкие вздрагиванья.

– Картинка! Вы взгляните на ноги, господа, – сталь, английская сталь!.. А шея! – говорил Васильковский.

Он щелкнул хлыстом по ботфортам.

– Ну-с, покупайте...

Гальтон подошел к Мэри, тронул ладонью ноздри, похлопал по шейке. Мэри скосила глаза: она точно следила.

Гальтон смерил грудь, покачал головой, смерил ноги.

«Фррр...»

Мелкие брызги попали в лицо жокею.

– Да стой же, дурашка! – закричал Васильковский.

Наконец Гальтон кончил осмотр.

– Ну как? Граф будет доволен... – сказал Васильковский.

– Нэт, нэт... ошен слабый лошадка... ошен слабый... Узкий груд, короткий мах... нелзя на скачки... нэт... – говорил Гальтон.

Он отошел в сторону и еще раз зорко оглядел Мэри.

– Она красива, да... но нэт, нэт... слабый лошадка... нелзя на скачки...

«И-и-и-их-хи-и-и...» – словно обрадовалась Мэри, перебирая ногами.

– «Слабый лошадка»!.. – передразнил Васильковский. – Тэ-эк-с... хм... Да ведь ей всего второй год!.. А огонь! Вы проглядели огонь!..

Старый жокей не отрываясь смотрел на Мэри. Ее окружили, теснились, гладили, повторяя приемы Гальтона.

– А цена? – спросил кто-то.

– Две тысячи... Что цена! Вот ее паспорт...

Васильковский вынул листок – паспорт Мэри.

– «Отец – Вьон... – прочел он, – мать – Зорька»... Она...

– Зорька? – громко перебил кто-то.

Это был Числов. Он сидел на земле и прощупывал ноги Мэри.

– Да, та самая Зорька, на которой вы обскакали Змейку... Это было так неожиданно!..

– Да... но потом она ослабела, – сказал Гальтон.

– Чудная лошадь была! – сказал один из жокеев. – Не русская, говорят...

Числов молчал. Он держал голову Мэри и гладил. Мэри жевала губами, фыркала, поводила глазами. А старик слушал сердце, стучал по груди...

Вдруг Мэри, играя, сдернула с Числова картуз.

Все засмеялись. Старый жокей отошел в сторону. Его глаза смотрели в одну точку, на белые ножки Мэри. Он думал о чем-то.

– Ну ты, старина, что скажешь? – спросил Васильковский.

– Продавайте... – глухо отозвался жокей.

В голосе слышалось не то разочарование, не то желание кого-то поддеть. Числову верили, и в тоне, каким сказал он, поняли недовольство. Болотников подошел к старику.

– Этот тощий городит, – сказал он, показывая глазами на Гальтона, – он дешево хочет купить.

Посмотри, как он сторожит... не оторвется от Мэри...

Числов молчал, низко надвинул картуз и смотрел исподлобья.

– Что, старина, нахохлился? – спросил Васильковский. – Какова лошадь-то, а? Вижу, брат, по

тебе она... Ну что же, господа, покупаете?

Никто не отзывался.

– Никто?.. Тэ-экс... – Он щелкнул хлыстом. – Федор Ионыч, бери ты! – сказал он Числову. – В твои-то бы руки, а? Право, бери...

– Куда мне?! – вырвался вздох у жокея. – Я все кончил.

– Опять начнешь... Бери за долг! Жаль, если попадет в плохие руки, а?..

Числов не отрывал глаз от Мэри. Насмешливое лицо Гальтона улыбалось.

«Не купишь... не купишь», – казалось, говорило оно. А веселая головка Мэри игриво

поматывалась по сторонам. Болотников взял старика за плечо.

– Федя, бери!.. Не возьмешь – я куплю... Смотри, какие сильные ноги, английские ноги!.. Опять идет...

От группы отделился Гальтон. Он быстрыми, нервными шагами подошел к Мэри, нагнулся и стал прощупывать ноги. Мэри не стояла. Числов видел, как англичанин поднялся, вынул бумажник... Кровь ударила в голову Числову. Он, казалось, забыл обо всем: о прожитой жизни, о семье на руках в покосившемся домике, о скудных остатках на старость. Он видел только Гальтона и Мэри...

– Бери! Бери!.. – закричал он. – Бери за долг, если позволите...

Он подбежал к Мэри, положил руку на шею и ждал...

– Бери... бери... – повторял он.

– Я покупал... позволите... я даю больше... – спокойно сказал Гальтон, насмешливо улыбаясь.

– Ха-ха-ха!.. – покатывался Васильковский. – Он дает больше!.. Ха-ха-ха!.. Вы изругали Мэри, господин Гальтон... Нет, не пойдет... Бери, Федор Ионыч. Мэри твоя.

– Но я же даю больше! – резко сказал англичанин.

– А я не про-да-ю, черт возьми! – рассердился спортсмен. – Мэри не годится на скачки!.. Ха-ха-ха!.. Он не узнал свою землячку!..

– Я повторяю: она не годится... Я покупал для себя... – сказал англичанин и отошел.

– А ты молодец, ты понимаешь дело, – говорил Васильковский жокею. – Ну что так смотришь?..

«Зачем? К чему мне она?» – думал Числов.

– Подержите пока у себя, завтра я возьму ее с собою... – сказал он.

– Что? Повезешь с собой? Зачем?

– Не знаю... там будет видней...

Болотников хлопал старика по плечу.

– Так, старина, так... А ловко ты его зацепил!.. Так как же, а? Мэри придет сюда? – указал он на грязную полосу круга. – А? Или ты так дураком и останешься?

Мэри уводили в конюшню. Старый жокей, задумчиво покусывая усы, смотрел ей вслед.

А дождь все сеял осеннюю скуку.

Глава III. Новые лица

Поезд подходил к городу N. Забелел собор на горе, сверкнула полоса Волги с цепью поросших лесом холмов. Тишиной и покоем пахнуло в душу Числова от родных мест. Здесь, на песках Волги, на обрывах гористого берега, в яблочных садах, что тянулись десятками верст, никогда не звучал скаковой колокол, не волновал сердце спортсмена сигнал «пошли!». Сюда не доносился рев публики; здесь не пестрели камзолы жокеев, не отдавался треск револьвера, пристреливавшего искалеченную лошадь, – не было всего того, чем тридцать лет наполнялась жизнь уходящего на покой жокея.

Из-за полуоткрытой двери товарного вагона, с бьющимся сердцем, смотрел Числов на надвигающийся городок. Смотрела и Мэри, вытянув шею и забирая ноздрями бодрый воздух осеннего волжского дня. Резким криком приветствовала она сверкающую полосу Волги.

Старик обернулся.

Мэри!.. Зачем он везет ее, это дитя скакового круга, потеху неунывающей толпы? Она не облегчит труда земледельца, это бесполезное, тонкое, на вид такое хрупкое существо. Что толкнуло его купить ее?

Вон на горе, на краю городка, старый вяз, под ним красная крыша дома, серый ящик сарая...

«Фррр... фррр»...

Старый жокей обернулся.

Мэри положила ему на плечо сухую головку. Дергаются темные ушки, темно-голубые глаза весело смотрят вдаль, влажные губы приятно щекочут лицо.

– Вот и приехали. Ну, Мэри, пойдем!..

Медленно подымался жокей по гористому берегу, к знакомому старому вязу, ведя на поводу Мэри. Вон на углу переулка сосед-лавочник с удивлением всматривается в согнувшуюся фигуру жокея.

Дома не ждали. Жук, черный, шершавый дворняга, дремал у калитки. Утки пробирались домой с соседней лужи. Надюшка собирала кисти рябины в саду. На дереве копошился Сенька.

– Лошадь ведут!.. Лошадь!.. – закричал он. – Дедушка лошадь ведет!..

Жук встрепенулся, вскочил и залаял. Утки шарахнулись в сторону. Старожил-воробей, дравшийся на заборе с врагами из-за пучка рябины, мигом швырнулся вверх, шлепнулся камнем вниз и задергал головкой.

– Чуть-жив!.. Чуть-жив!.. Чуть-жив!..

А Жук приготовился: он ошетинил шею и гавкнул:

– Вы не очень-то... да!.. Я здесь за хозяина!..

– Жук!.. Ах, шельма! – позвал его Числов. – Не узнал, гадина...

Теперь Жук узнал. С год тому назад этот тощий старик приезжал сюда, плакал; плакала и сама хозяйка, Анна Федоровна; потом унесли кого-то в светлом ящике со свечами, пели певчие, а он, Жук, выл на задворках. Он узнал теперь этого тощего старика.

Жук запрыгал, поластился из приличия и сейчас же подскочил к Мэри.

– А это что за фигура? Надо представиться! – гавкнул он.

Мэри остановилась, гордо мотнула головкой и подняла белую ножку.

– Вы, пожалуйста... у меня подковка!..

Бывалый в делах Жук сделал вид, что ошибся, увильнул в сторону и подкатился сзади. Но сухая головка задорно смотрела, и Жук отступил.

«Я скаковая лошадь, – прочел он в глазах, – а вам стыдно...»

Жук растерялся, завилал хвостом и буркнул:

– Ах! Это я так ведь... такая тоска здесь, знаете... Я отрекомендоваться...

Но никто не заметил, что делалось на воротах. Воробей вертелся как ужаленный. Он распушился, прыгал, задирает голову и пищал:

– Чуть-жив!.. Чуть-жив!.. Вот она, жизнь-то... начинается!.. С овсом вас, почтеннейшие воробьи, с овсом!.. Лошадь привели к нам!..

С этими словами он ринулся через двор и исчез в сарае.

Выбежала Анна Федоровна и расплакалась. Надюшка уже сидела на руках деда, а Сенька держал Мэри за повод.

– Это мне, дедуся, а?.. – лепетала Надюшка, тыкая пальчиком в глаз Мэри.

– Нет, это мне... – уверенно сказал Сенька.

Мэри обнюхивала воздух и фыркала.

«Какие маленькие люди здесь, – думала она, посматривая на восьмилетнего Сеньку. – И какие плохие конюшни, и нет лошадей... Странно...»

– Мне ведь, дедушка, а? – приставал Сенька. – Мне?

– Вам... вам... – усмехнулся старик.

«Вот все, что заработал за тридцать лет, – думал он. – Ах ты, старый дурак!..»

Он взглянул на плохо одетых внучат, на бледное лицо дочери, на свои старые сапоги и потертую куртку, на прогнивший забор и облезлые стены домика под старым вязом.

«Да, сделал дело!.. Вот она, тихая, покойная старость...» – стояло в его голове.

«Здравствуй, хозяин! – казалось, кричал покосившийся домик. – Пора поправлять... крыша течет...»

Числов вздохнул. Печальные глаза дочери с беспокойством осматривали его. В них он заметил испуг, скрытое горе.

– Фррр... фррр... Ну что же, скоро ли меня поставят в конюшню? – спрашивала Мэри, постукивая копытцем.

«А-а... Мэри. – Он словно забыл о ней. – Да, да... на до поставить ее... в сарай... Ах ты, старый дурак!..»

Заскрипели ржавые петли. Мэри насторожилась.

– Ну что ты, дурашка, боишься... – говорил Числов, вводя Мэри в сарай. – Это твоя квартира... Что так смотришь?.. Правда, неважно здесь: пол гнилой, нет оловянной кормушки... щели сквозят... Не плачь, моя птичка... После подумаем...

Он не снял с Мэри попоны, похлопал по шейке и вышел.

Мэри затихла: темнота пугала ее. Она опустила головку в пустую кормушку, обнюхала пол...

Что ее ждет? Зачем привезли ее? Что будет делать с ней этот грустный старик?

– Это безобразие! – запищал воробей в уголке. – Скандал какой!.. Где же овес? Лошадь завели, а овса не дают...

Он нахохлился и пулей нырнул в разбитое окошко. Все вошли в дом. Жук постоял, взглянул на закрывшуюся дверь, подумал и лениво поплелся к сараю.

– Дела прибавилось. Что ж, буду сторожить, – проворчал он, примащиваясь возле двери.

Глава IV. В сарае

В маленьком домике до глубокой ночи светился огонь. Старик с дочерью тихо вели беседу.

– Пойду на конский завод, – точно оправдываясь, говорил Числов. – Ведь еще годен я на что-нибудь, а?.. Найду работу...

– Вам нужен покой, папаша... Вы так изменились... Теперь моя очередь, я буду работать... Как-нибудь проживем...

– Покой... покой!.. Я не сумел приготовить себе покоя, как другие... Тридцать лет прослужить на чужую потеху... И меня швырнули, швырнули, как хлам!.. За что? За то, что я брал для них призы, создавал славу их лошадям?.. О, если бы вернуть все назад!

Он встал и в волнении прошелся по комнате.

– Они еще вспомнят обо мне!.. Вот увидишь!..

Анна Федоровна с испугом взглянула на отца.

– Что так смотришь? Ты думаешь, что старый Числов спокойно снесет пощечину?.. А пока не тревожься, Нюта... Кое-что продадим... Одна Мэри стоит две тысячи... Не нищие мы еще...

– Конечно, папаша... Поправим дом, лошадь продать можно... Завод купит...

– Продать... Мэри?.. Ну да... ты не тревожься... Я найду дело... найду...

Он вспомнил про Мэри... «В холодном сарае... заболеть может...»

– Пойду взгляну Мэри.

Он вышел во двор. Шел дождь. Ветер гулял по пустырю вокруг дома, свистел по щелям сарая. Старый вяз сыпал пожелтелые листья.

Жук проснулся.

– Я сторожу, – гавкнул он, узнав старика.

Мэри заржала.

– Что, Мэри, скучно? Что ты дрожишь так?.. Завтра починим твою квартиру, вставим окошко... Он дал ей овса. Жук незаметно пробрался в угол сарая и завалился на сено.

Старик запер конюшню.

Хру-хру-хру... – похрустывала Мэри овес. «Как скучно! Я никогда не увижу солнца».

Что-то зашевелилось. Она перестала хрустеть и наставила ушки.

– И я с вами, – виновато проворчал Жук. – Такая тоска, знаете, одному под этим дождем... Я не мешаю вам?..

– Нисколько. Мне даже веселей с вами... Послушайте, вы не знаете, зачем меня привезли сюда?

– Мм... как сказать?.. Вы, должно быть, будете возить воду. К нам, видите ли, возит воду старая кривая кляча... Ее зовут Вакса... Плоха-ая такая... Ну вот вас и привезли... Впрочем, я полагаю...

– Возить воду?.. Но ведь я не умею, я скаковая лошадь... Я рождена для ипподрома... «Какая образованная она!» – подумал Жук и, не желая показаться невеждой, сказал:

– Ип-по-дром... гм... гм... да, я знаю... Это такое, как вам сказать... тоже очень хорошее дело... Но у нас не слышно о нем. У нас возят воду, кирпичи, сено, и потом... вы очень красивы!.. Вы, должно быть, не будете ничего возить...

– Я умею скакать, – сказала Мэри. – А вы умеете?

– Случалось, когда мальчишки камнем швырнут...

«Нет, какая она образованная!.. Ип-по... Вот и забыл... надо спросить воробья», – раздумывал Жук.

– Вот неподалеку отсюда есть дом, – продолжал он, – там живут беленькие собачки... бо-лонки... – нарочно медленно выговорил он слово, – они тоже ничего не делают и спят на ковре... Так вот и вы... Будете только кушать овес... Это бывает. Вот у нас есть один дармоед-воробей... Ничего не делает...

– Вы не очень-то! – раздалось из уголка. – Я очень даже много делаю... Я наблюдаю и могу давать советы... да-с... А это тоже чего-нибудь стоит... Вот вы, например, не знаете, для чего привели их, а я знаю.

Мэри подняла голову и ждала, что скажет воробей. Жук нехотя приподнял ухо.

– Да, я знаю. Недалеко есть красивые конюшни... Я бывал там частенько... за овсом я туда летаю. Ну-с, так там есть такой круг... Там много таких, как они вот... Они скачут по кругу, их хорошо кормят за это... Вот овес-то! Потом их уводят... и знаете зачем?..

– Зачем? – спросили Мэри и Жук.

– Вот то-то!.. А вы меня дармоедом... А уведут их за деньгами... да... Я слышал, как там говорили: «Ну, больше денег привозите нам, берите призы». Вот вы тоже должны заработать денег вашему старичку. А то посмотрите, какая здесь бедность: я угла себе не могу найти, дом старый, Жуку живется неважно, конюшня вся в дырках... Вот вы и должны все нам устроить... Вас и повезут куда-то за деньгами.

– Что же... Я очень рада, – сказала Мэри. – Этот старичок такой скучный, мне его жаль.

Поверьте, я вовсе не хочу есть даром овес... И для вас, господа, я рада что-нибудь сделать: вы такие добрые.

– Мы труженики, – сказал Жук.

Воробей ничего не сказал и опустился в кормушку.

«Фррр... фррр»...

Струя воздуха из ноздрей Мэри сбила его с овса, он встрепенулся, ударился в стенку и как ошпаренный вылетел из кормушки.

– Чуть-жив! Чуть-жив! – закричал он. – Черт бы вас побрал!.. И овса-то жалко!.. Какой от вас толк? А тоже: «я рада»!..

– А ты не лезь в рот, – сказал Жук.

– Я хотела поиграть с вами... Мне так скучно... – оправдывалась Мэри. – Пожалуйста, кушайте овес.

А воробей уже рылся в кормушке и с радостью думал, как он сумел понравиться и что ему не придется летать за овсом на завод.

А Жук подремывал. Ему виделась новая конура, деревянная миска со щами и жирной костью.

Это все должна дать ему Мэри.

Глава V. Первая проба

Дня три старый наездник возился в сарае. Мохом он заделал щели, починил пол, вставил окошко. В конюшне стало теплей, и воробей окончательно перенес сюда свою резиденцию.

Это был одинокий воробей-старожил. При конце жизни он получил прочную квартиру и в душе питал благодарность к Мэри. По всему околотку он разнес весть о ней. С крыши домика он непрестанно кричал:

– Она чего-нибудь да стоит!.. Смотрите, как она меня устроила-то!.. Ну и ты, Жук, все-таки угол имеешь. А ты подожди: она поедет туда, привезет денег, и будет тебе конура и всё... Ур-ра!.. Ур-ра!..

К воробью прислушивались. На двор к старому наезднику стали залетать голуби подбирать овес и послушать рассказней воробья. Вороны с тоской присаживались на заборе и глотали слюны, когда воробей кричал о щах и костях для Жука:

– Скоро всем будет, скоро!..

А когда раз вечером старый жокей вывел Мэри во двор и показывал знакомому с конского завода, воробей услышал:

– Да, это капитал! – сказал знакомый с завода. – Хозяин, конечно, позволит вам пользоваться нашим кругом и готовить Мэри...

И воробей теперь добавлял:

– Это целый капитал, господа! Это не то что кривая Вакса, да-с!..

Мэри начинала понимать, зачем привезли ее. Восторженные крики воробья, внимание Жука, поддакивание и крики удивления ворон, заботливость, с которой ходил за ней грустный старичок, ласки детишек, особенно Сеньки, днями сидевшего в конюшне, – все это убеждало ее, что она готовится к чему-то важному, что она должна что-то сделать для всех.

Она ждала. Тут случилось событие, окончательно уверившее ее в этом.

Прошла неделя. Утром, только поднялось солнышко, старый жокей, по обыкновению, вошел в конюшню, вычистил Мэри скребницей, помазал копытца, тщательно оглядел подковки и сказал, ласково трепля по мордочке:

– Теперь за работу, Мэри...

– И-их-хи-хи-и... – радостно заржала она. – Вот оно... начинается!.. Это так интересно!

Жокей оседлал ее, подтянул потуже подпругу, взнуздal и, как перышко, стал в стремяна.

– Жук, посмотри!.. Старичок-то твой повеселел совсем! – закричал воробей. – Братцы, скоро всем будет, скоро!..

Жук хотел было что-то сказать, но воробья уже не было.

А Мэри скакала легко к заводу. Там, по широкому кругу, носилось несколько лошадей. Мэри заржала: ей стало так хорошо и легко.

У входа на круг ее окружили жокеи, и маленький человек с большим животом и хлыстом в руке приветливо поздоровался с Числовым.

– Наконец-то мы поглядим вашу Мэри... Здравствуйте, Федор Ионыч, слышал я о вас... Ну-с, покажите ее, посмотрим... Тэ-экс... – говорил он, оглядывая Мэри со всех сторон. – Лошадка знатная... Коротковата малость... Что же, продавать будете, а?..

– Не знаю... так, случайно вышло... Купил – и сам не знаю зачем... подожду...

Мэри с укором взглянула на хозяина.

– Так продавайте...

Мэри слышала, как старик долго говорил с толстяком о своих неудачах, о Гальтоне... Толстяк горячился, называл всех мошенниками, ударял старика по плечу.

– Ах, я знаю их всех!.. Мои лошади лучше этих мошенников. Ну, не унывайте, старина! Для вас у меня всегда найдется дело.

– Благодарю вас, да вот она, – указал Числов на Мэри, – из головы у меня не выходит... А продать... нет, не могу я решиться...

– Чудак вы... ей-богу, чудак!.. Ну, ваше дело... Ну-ка, пустите ее... поглядим вашу Мэри... Эй! Остановить лошадей!

Мэри пошла. Все наблюдали за ней. Лошади взяли в сторону, чтобы пропустить ее. И они смотрят, провожают ее глазами. Солнышко глядит с ясного неба, ветерок так приятно щекочет ноздри. Хозяин треплет ее по шейке и цокает. Мэри понимает этот ободряющий звук.

– Ну, Мэри, цо-цо-цо... – шепчет старый жокей и подбирает поводья. – Цо-цо-цо... Мэри... так... так...

Уже на той стороне круга группа людей. Ниже стелется Мэри, быстрее скользит под копытами черная лента, дальше в сторону летят комья мягкого грунта.

– Ну же... цо-цо-цо...

В струнку вытягивается Мэри. Сильней колотится сердце.

Вот и поворот круга, черная группа людей и толстяк с хронометром в руках.

– Стой, Мэри!..

– Поздравляю!.. Поздравляю!.. Огонек ваша Мэри!.. Гм... Она будет делать дела... – возбужденно говорит толстяк, прощупывая плечи Мэри. – Немного короток мах только... Смотрите, и не вспотела нисколько... Грудь узковата... Но какая горячка!..

– Это не ее ход, – сказала Числов, записывая скорость Мэри, – она еще покажет себя... Мэри игриво поглядывала на всех.

«Я могу проскакать быстрее... я так рада!» – казалось, говорили ее глаза. Она чувствовала, что все любят ее, она видела, как просветлело всегда печальное лицо хозяина, и ей стало так весело, как никогда за последние дни.

– Круг в вашем распоряжении, Федор Ионыч, – говорил добрый толстяк. – Лучшего жокея для Мэри и быть не может. Вы подарите публике жемчужину...

«Ну, Мэри... я не продам тебя, нет...» – думал старый жокей, надевая на Мэри попону.

Задумчиво возвращался Числов домой. Он не замечал, как Мэри косилась, фыркала, старалась поймать его за ногу.

Он опустил поводья, согнулся, точно под бременем охватывавших его дум. Перед ним проходили трибуны, публика, лошади, жокеи и призовой столб.

«Долой Числова!» – отдавалось в его ушах.

Насмешливо улыбалось лицо Гальтона.

«В провинц... пожинайт лавры...»

Жук сидел у ворот, ожидая возвращения Мэри, – он не смел покидать дом.

«Как долго... какая тоска! И этот дармоед провалился куда-то...» – размышлял он, поглядывая на дорогу.

Прррр... – затрепетал воздух, и маленький комочек почти упал на ворота.

– Уф!.. уф!.. Насилу-то... добрался... Ну дела!.. А? Мэри обогнала меня! Меня, самого ловкого воробья!..

– О! – сказал Жук.

– Да, да... Как пошла она скакать... я рядом, все рядом... во весь дух шел... Я поддаю ходу – она за мной... Уф!.. уф!.. Я уже поперек круга махнул... каюсь... И то опоздал... Какой позор, если бы ты, Жук, знал! Они там все надо мной смеялись, я это очень хорошо заметил... Уф!.. уф!..

Они, конечно, не понимают, что у меня только две ноги... А она-то и рада... После всего этого я не знаю, оставаться ли мне на этой квартире: это не по-товарищески...

Глава VI. Желчный философ

Ранним утром старый жокей выходил на крылечко выкурить папиросу перед тем, как ехать на круг. Старый, подгнивший забор мозолил глаза сорвавшейся с петель калиткой, сбоку сарай-конюшня кричал о своем убожестве; сзади серенький домик напоминал о надвигающейся бедности. Невеселые мысли бродили в голове старика.

– И-и-их-хи-хи-и!.. – кричала Мэри в сарае.

«Ах, Мэри... – вздрагивал старый жокей. – О, они еще увидят меня!..»

Он жил теперь одною мыслью. Судьба толкнула его купить лошадь. Он приготовит ее, разовьет ее скорость... и снова увидят его желтый камзол с алой лентой, красный картуз. Он поедет за заветным призом, из-за которого бьются все владельцы конюшен, жокеи, спортсмены, он победит, возьмет деньги, вернет свою славу, и, когда его снова будут приглашать эти гордые люди, он скажет им всё и уедет сюда на покой. Мэри вернет ему всё.

«Когда же меня поведут? – думала Мэри в конюшне, вспоминая слова воробья. – Хозяин грустит, всем здесь так скучно...»

В ней начинал развиваться инстинкт скаковой лошади. Носясь по кругу, она искала глазами соперников, но их еще не было. И это ее смущало: она нетерпеливо трясла головой, горячилась, старалась вырвать поводья.

– Не горячись, Мэри, успеешь, – говорил ей старый жокей, – время придет. Они, Мэри, не знают, какое ты золото, они ничего не знают.

Часто, стоя в сарае, перед полной кормушкой, Мэри задумывалась о том, что ее ожидает.

Дрожь пробежала по ее тонким ногам, нервно дергались уши.

– Чик-чик... чик-чик... – пытался заговорить воробей.

Мэри, охваченная тревожными думами, молчала.

– И чего важничает, – желчно говорил воробей Жуку, – самая обыкновенная лошадь, а гордости у нас как навоза... хуже Ваксы... Та хоть и кривая, а иногда поговорит со мной. Вот хоть вчера.

«Ну как, воробей, поживаете?» – «Ничего себе». – «А дела как?» – «Ничего себе, – говорю. – А вы как?» – «Сегодня десять бочек свозила». Вот это вежливость!.. Я таких лошадей уважаю... От них – прок!.. А эти, куцые... без хвоста... жрут да дрыхнут, да вот чтобы лапу кому придавить, как вам вчера... И говорить не желает!.. А того не понимает, что я, может быть, глаза ей открыл, когда о деньгах сказал... Невежа!..

– За что вы сердитесь на меня? – спросила Мэри.

– Я с вами не разговариваю!.. Говорят с порядочными лошадьми... а вы только овес даром едите да важничаете... да вот лапу придавить...

– Но я же нечаянно... Разве вы сердитесь, Жук? – спросила Мэри, нагнулась к Жуку и лизнула его в морду.

– Нет, что вы... вы очень любезны, – просиял Жук. – Я повизжал, чтобы позлить воробья: он не любит визга. А когда же у меня новая конура будет?

– Не знаю... Мне что-то страшно, когда я подумаю, что скоро меня поведут куда-то...

– Ничего не будет! Ничего! – злобно зашипел воробей из кормушки. – Вот увидите! Куда вам! Вы только разоряете старичка... Вакса – вот это лошадь! А вы – скакуны – деньгам перевод... Да и хозяин-то дурак. Все вон дело делают, а вы с ним скачете как угорелые... Тут пора дом поправлять, а вы... Вон наемни лавочник что сказал...

– Что? – спросила Мэри.

– А то! «Ох уж эти наездники! Скоро, – говорит, – по миру пойдет, а куцую привез...» Это про вас. «И зять-то, – говорит, – непутевый был, делом не занимался, чтобы семью на ноги поставить, да и старик-то сумасшедший. Скоро и пса-то (это про вас, Жук) нечем будет накормить...»

– Но ведь я... я готова все делать... я буду возить воду.

– Да, – продолжал воробей. – «Подло, – говорит, – на таких лошадях деньги швырять! Это, – говорит, – миллионщикам впору: они, – говорит, – труда человеческого не понимают...» Мэри вздохнула и перестала есть. Жук уткнул морду в лапы. А воробей, довольный, что всех растревожил, важно ходил в кормушке, выбирая самые сладкие зерна.

– Вот оно что-с... Я так полагаю, что и вы можете с голоду околоть... Хозяйка-то одну картошку ест, Сенька в рваных сапогах бегаёт...

– А деньги? Я же поеду за ними... – сказала Мэри.

– Не верится мне что-то... Чик-чик...

Глава VII. Вакса

Как-то в ноябре, морозным утром, старик вывел Мэри, чтобы ехать на круг. Снег резал глаза. Из нагретейшей за ночь конюшни тянулись в морозном воздухе клубы пара.

– Вакса! Вакса! – закричал воробей с крыши. – С добрым утром!

Во двор въезжала водовозная бочка. Мэри вытянула головку, втянула воздух и так резко заржала, что старая Вакса с испуга шарахнулась вбок и затрясла головой.

Мэри увидела приземистую, с большим брюхом, взьерошенную лошаденку с потертой местами кожей; натертое до крови плечо поводило легкою дрожью; повислые уши топорщились в стороны; желтые стертые зубы смотрели из-за отвислых губ; слабые тяжелые веки совсем закрывали глаза.

– Вакса! – закричал воробей. – Вот наша Мэри!

Вакса нехотя подняла голову и скосила глаз, но он ничего не видел. Она опустила морду, и Мэри показалось, что из кривого, воспаленного глаза сочились слезы.

– Не вижу... темно... – тихо сказала Вакса.

Мэри зашла с другой стороны и увидела добрый печальный глаз.

– А?... – удивленно зашамкала старая кляча. – Я вижу теперь... Ах как вы красивы!.. Я еще никогда не видала таких... Вы тоже лошадь?..

– Да, я скаковая... Видите, у меня хвост подрезан.

– А-а... Как хороши вы!.. Какие у вас тонкие ноги!.. А я воду вожу... очень давно вожу... каждый день... – растерянно говорила Вакса, опуская от слабости голову. – У меня было два глаза, как и у вас... я видела все вокруг... но мой хозяин кнутом выбил мне глаз, когда я опрокинула бочку. Давно это было...

Мэри подошла к Ваксе и стала лизать ей шершавую спину.

– Ах, что это вы?... Вы так хороши! – конфузливо зашептала Вакса.

Сладкое чувство подступило к сердцу, не знавшему ласки. Глаза замигали часто-часто. Она хотела лизнуть Мэри в золотистую шерстку, потянулась и не достала.

– А тяжело возить воду?

– Тяжело... но я привыкла... Вот если бы мне давали овса...

– Как? Вам не дают овса?! – удивилась Мэри. – Я всегда ем овес...

– Да? Всегда!.. Но вы... так красивы... А мне... Впрочем, я как-то ела овес... давно-давно...

– Хотите?... В моей кормушке...

– Н-но! Шевелись, холера! – закричал водовоз, вскакивая на бочку.

– Прощайте, – грустно сказала Вакса, нагнула голову и поплелась дальше.
– Какова!.. – запищал воробей. – Вот это я понимаю: она стоит овса!..
Встреча с Ваксой оставила в душе Мэри след грусти.
В тот же день вечером старый жокей сказал дочери:
– Сегодня Мэри показала такую резвость, что я окончательно решил, что мне делать. Это – чудная лошадь. Весной я еду на скачки... Мэри спасет нас, Мэри вернет нам покойную жизнь.
– Опять старое... это вечное беспокойство! Что вам принесли эти скачки, папаша?!
– Ничего... Это будет последний выход старого Числова.

Глава VIII. Вестник

День ото дня сильней волновался старый жокей. Часто среди ночи подымался он с теплой постели, надевал полушубок, брал фонарь и шел смотреть Мэри. В ночной темноте слушал он, не крадется ли кто к сараю, не беспокойна ли лошадь. Он чего-то боялся. «Что делать, если она заболает?» – вставал беспокойный вопрос. Старик похудел и постарел за последнее время. Дни бежали. Серенький домик стоял по-прежнему скучный. Ветер свободно гулял в черных сучьях старого вяза, скрипела калитка, стучали дряхлые ставни в бурные ночи. Скучно было снаружи, но невесело было и внутри: семья начинала нуждаться. До глубокой ночи стучала машинка; до вторых петухов гнулась за работой хозяйка; давно отнесли в ссудную кассу жетоны и победные кубки. Ведь для Мэри нужен овес! Скоро придется отнести и призовые часы, и тогда...
«Скорей бы приходила весна!» – думал угрюмый жокей.
Плохо приходилось Жуку последнее время. Когда хозяйка вылиwała помои, он жадно кидался и уныло отходил прочь.
– Опять картофель! Хоть бы какую обгорелую кость!..
Теперь он был рад корке хлеба.
– Вы нас съедаете! – ворчал он на Мэри. – Каждый день овес и овес! Это, наконец, стоит денег... А какой толк? Вот Вакса – дело другое: она добывает денег хозяину, и Бушуй всегда сыт. А вы... Я и сторожить вас не стану: пусть лучше вас украдут, по крайности, овса не придется покупать...
– Но я... я... – оправдывалась Мэри, – я сама не знаю... Мне очень вас жаль. Хотите, ешьте овес... Вот же воробей ест...
– А ну вас с овсом! Оба вы дармоеды. Вот уйду на бойню, буду кишки воровать...
Конечно, Жук все это говорил сгоряча. Он знал отлично, что никуда не уйдет, – он любил хозяйку, Надюшку, Сеньку, бедного старичка и Мэри. Воробей последние дни провалился куда-то. Жуку и по воробью было скучно.
– Где он, старый дармоед? – ворчал Жук. – Хоть покричал бы, что ли, – все не так скучно. Мэри также грустила: речи Жука, его жалкий вид смущали ее. Разве она виновата, что ее не везут куда-то туда, о чем говорил воробей? Хоть бы он ободрил ее: он так много знает. А она... она сделает все, что в силах!
Снег наконец начал таять, зима уходила. Прилетели грачи, загремели в сучьях старого вяза. Задумчивы, тихи, розовели весенние вечера. Румянились зори.
В один из таких вечеров появился во двор воробей.
– Чуть-жив!.. Чуть-жив!..
– А я уж думал – ты издох, – сказал Жук, виляя хвостом. – Куда тебя носило?
– Соскучились?.. То-то!.. А то – дармоед!.. – Воробей все еще помнил обиду. – Однако же и подвело, брат, тебя!
– Не твоя забота.
– Ну, не лайся. Я вам принес важную новость. Вы, – обратился он к Мэри, – скоро отправитесь за деньгами...
– Быть не может! – даже подпрыгнул Жук. – Мэри, вы слышите?..
Мэри раздула ноздри, наставила уши и замерла.
– Наконец-то!
– Да. Я все это время прогостил на заводе. Хороший стол, полное уважение нам там, – отчего, думаю, не пожить? – важно говорил воробей, развалясь на заборе. – А тут только хозяйина объедать... Это не в моем характере. Ну-с, и вчера, господа... вы слышите, Мэри? – вчера толстяк отправил с завода лошадей и сказал: «Ну, с Богом! Идите добывать деньги!» Стало быть, и вас повезут скоро.
Мэри дрожала: чувство восторга и непонятого страха охватило ее.
– Я так рада! Я буду добывать деньги, я буду трудиться, как эта несчастная Вакса...
– Да, – перебил воробей, – я и забыл: Ваксы нет больше, господа...
– Как?.. – спросили вместе Мэри и Жук.
– Да. Это очень печально, но это так. Сегодня она упала на горе с бочкой и околела. Я видел, как живодер увозил ее на санях... Чик... чик... чик...
Все замолчали. Жук стал слегка подвывать.

– Цыц! – крикнул старый жокей. – Экий пес... Цыц, говорю!

Мэри опустила головку.

– Бедная Вакса!

– Она, – вдруг сказал воробей, – сделала свое дело... не как другие... Пойти проведать квартиру...

И воробей уже рылся в кормушке.

Мэри задумчиво стояла среди двора. Старик подошел к ней.

– Что, Мэри? Что, моя крошка? Скоро тронемся в путь.

Он взял ее за голову и просительно заглянул в глаза.

– Не выдай, родная!..

Глава IX. «Прощайте!..»

Приближался решительный день: пора ехать «туда». Подолгу оставался Числов в конюшне.

Насыпав овса, он прислонился к стройному корпусу Мэри, клал голову ей на шею и думал.

Мэри переставала хрустеть, дрожала, тревожно косилась на дорогое ей, такое худое, желтое, небритое лицо. Она слышала тяжелые вздохи, она чувствовала, как дрожат руки, приглаживавшие гривку. И она отзывалась: ее все еще детское ржанье резало ухо, звенели стекла окошка, вздрагивал задремавший Жук. А когда старый жокей крестил ее, уходя, Мэри провожала его глазами, а Жук ворчал:

– Смотрите, какой скучный наш старичок...

На что воробей отвечал с ехидством:

– Есть некоторые, которые этого не замечают.

– Это жестоко! – кричала Мэри. – Я все бы сделала!..

– Вы-то чего придираетесь? – шипел воробей. – Только и разговору, что ли, что о вас?!

Совместная жизнь в конюшне становилась невыносимой. Жук ныл во сне, ворчал наяву. Мэри часами выслушивала колкости и вздыхала.

Воробей был словно пропитан ядом. Он злился последние дни на всех, обиделся, расстроился, перья из него вылезли. А какой веселый малый был он всегда! Он любил смех, солнышко и бодро смотрел вперед. А теперь! Все вокруг было мрачно: вздыхал старый хозяин, хозяйка, озабоченная, все уходила куда-то, Надюшка болела и не выходила гулять, Сенька уныло слонялся возле конюшни, Жук часами лежал, уткнув в лапы тоскливую морду, Мэри... она уже не пугает его в кормушке. И воробей изнывал и шипел.

Раз как-то, когда Жук плакал во сне, воробей заметался и крикнул:

– Не могу!.. Не могу!.. Это... это... я не знаю что!.. Все дуются, плачут... Не могу я так!.. Какая это жизнь!..

Наутро он куда-то исчез.

Пасха прошла. Ранним утром старый жокей вывел Мэри в попоне, взял саквояж, где лежал забытый камзол и перламутровый хлыстик.

– Ну, Мэри... пойдём.

Он отошел в сторону и оглянул лошадь.

– Как хороша!.. Тебя увидят все, моя быстрая птичка, тебя увидят...

Мэри смотрела в пустую конюшню. Там было так скучно порой, особенно последние дни, когда улетел воробей. Там часто вздыхал этот скучный старик и звал ее: «Мэри! Мэри!» – точно просил о чем-то. Там добряк Жук часто лизал ей ножки. Там, наконец, этот юркий воробышек открыл ей то, что она должна сделать. Где он теперь?

Мэри осмотрелась, прислушалась... Пусто. Воробья не было. Ей стало страшно. Он бы ободрил ее, сказал что-нибудь на прощанье: он такой умный. Как дрожат руки хозяина! Вот он вынул красный платок, смахнул что-то с глаз, прощаясь с дочерью. Вон Надюшка стучит кулачком по стеклу и делает ручкой... Сенька сидит на крыльце и ревет. Знакомый белый кусочек, сахар, зажат в его пальцах.

«Фррр... фррр... Прощайте, я ухожу... далеко...» – хотела сказать ему Мэри.

Сенька вскочил, обхватил ее шейку, прильнул... Горячее что-то упало на вздрагивающие ноздри. Розовый шершавый язык захватил маленькую ладошку.

Ай! Что это?.. Ах, это Жук! Он лижет ее белую ножку и печально виляет хвостом. Глаза его мутные. Уши повисли.

«Прощайте, Мэри... – говорит он глазами. – Я останусь один, как раньше... Прощайте... Я скоро умру... никого не будет... воробей улетел... вас уведят... Я... я... плачу, Мэри... о вас...»

Он тряс головой и переступал с лапы на лапу.

У Мэри что-то схватило в горле. Она опустила головку и лизнула Жука в печальную морду.

– Я приеду... я скоро вернусь, и тогда... тогда мы опять заживем... весело... прилетит воробей...

– Вот он я! – крикнуло что-то в воздухе. – Что такое?.. Вас уведят?.. Хорошо, что поспел. Ну что же... ну... уф-уф... все хорошо... то есть, я хочу сказать... все будет хорошо... Не плачьте, Жучок... и вы, Мэри... не надо... я... я... мне так тяжело... Еще утром так вдруг тяжело стало... Я и полетел к вам... – быстро лепетал воробей, отворачиваясь и утирая крылышком носик. – Ах,

как вы стали красивы!.. Вы лучше всех лошадей... Я знаю... я проживал на заводе... Только, только...

– Что? – спросила Мэри, растроганная.

Жук уже был не в силах стоять. Он присел на задние лапы и качал головой.

– Только... приезжайте опять!.. Да... и не поминайте... прошлое... Я так любил вас... очень...

Пррр... Он взвился, шарахнулся в конюшню, метнулся по ней, вынырнул, присел на ворота и пропал.

– Идем с Богом, Мэри, – сказал старый жокей.

Маленькая фигурка загородила дорогу. Это был Сенька.

– Зачем ты уводишь ее, зачем?.. Ты хочешь продать ее?..

– Да нет же... Мэри вернется... Она заработает много денег, глупыш!

– Не надо денег, не надо!.. Дедушка, оставь Мэри, оставь! Нам так скучно...

– Довольно, дурашка... Пусти.

Сенька уткнулся в ворота и плакал. Анна Федоровна крестила отца. За окном кричала Надюшка:

– Мэри! Мэри, прощай!..

Мэри услышала знакомый голос и повернула голову. Сенька бежал за ней.

– Идем, идем, Мэри!.. – торопил старый жокей.

Жук плелся сзади. Он проводил до угла, следил, как Мэри скрылась за поворотом, и поплелся домой. Вечером он выл на задворках, а ночью, забравшись в пустую конюшню, плакал во сне.

Глава X. В борьбе за приз

Мэри появилась на скачках... Записанная от имени Васильковского, так как Числов не состоял членом круга, она не вызывала восторга спортсменов. Любовались, но спортсмены уклончиво говорили о ней. Высокая темно-рыжая Лэди легко обошла ее на первых трех скачках; на двух других Гром Болотникова и Пуля Запольского победили ее. Только в последнюю скачку она пришла второй, на голову за Лэди.

– Это случайно, – говорили спортсмены. – У Лэди ослабла подруга.

Старый жокей готовил удар в тишине. Васильковский раздобыл денег и опять держал лошадей. Наездник Петров, по просьбе Числова, скакал на Мэри.

– Что же ты, старина? Ведь Мэри могла бы делать дела, она привыкла к тебе... – говорил Васильковский.

– А главная скачка? – сказал загадочно Числов. – Только тогда они увидят меня.

«Все идет, как я ожидал, – раздумывал Числов. – Она не в моих руках, Петров не знает ее. А скорость... – Он вынимал свою книжку. – Никто не знает ее... Разве она так скакала сегодня, когда на ней сидел я!.. Подождите, Гальтон... торжествовать еще рано... Скоро Числов наденет свой желтый камзол!..»

Мэри записали на главную скачку. Теперь старый жокей был спокоен. В публике носились смутные слухи, что Числов поедет за главным призом... Числов?.. Но ведь он, говорят, помирает на родине и послал только Мэри...

Гальтон был спокоен. Гордый несомненной победой, он иногда особенно пристально вглядывался в сухие белые ножки Мэри, покусывал губы и опять улыбался. Граф Запольский не раз останавливался на Мэри бинокль.

– А красива... только грудь узковата... Слаба она на хорошую скачку... – говорил он соседу.

– Слаба-то слаба, да... но этот Петров не дает ей полного ходу... Этот дуралей чего-то ее жалеет.

– Мэри может зарваться... Она горячий лошадка... и у нее слабый груд... – говорил Гальтон графу. – Ее легко зарезат на скачке... Лэди – железо... она победит.

День главных скачек выдался чудный. Грунт был сухой, что порадовало Числова: Мэри любила твердую почву. Но и Лэди лучше шла по сухому.

«Как бы Гром не пропал, – думал Болотников, – скользит он что-то...»

Гигантские трибуны для публики были полны: казалось издали, что миллионы грачей опустились сюда отдыхать.

Около беседки для членов, владельцев конюшен, собралось все богатое, что проживало в столице. Разноцветные платья, пышные шляпы, кружевные зонты – вся эта пестрота веселой толпы кольцом охватила беседку, против которой торчал серенький столбик. Отсюда должна была начинаться скачка, здесь же был и конец.

В самой беседке, у аппарата, измеряющего скорость, сидит председатель в кресле и члены.

Граф Запольский курит сигару и о чем-то толкует со стариком Васильковским. Серые глаза старика что-то смеются сегодня. Тут и князь Островзоров, граф Дуббельт, и известный богач и заводчик Флеровский-Каминский, и лысый толстяк Ивановский. Задумчиво прислонился к колонке знаменитый спортсмен Грибский. Он взволнован и бледен: его лошадь Жаннет конкурирует с Лэди... В уголке сзади сидит скучный Мэзон: его лошадь Рахиль вчера заболела, и ее сняли с афиши.

– Так вы за Лэди? – говорит Васильковский соседу.
– Да.
– А Жаннет?
– Ее я считаю второй... Гром, пожалуй, возьмет третье место.
– А Мэри?
– Мэри... мм... я и забыл вашу фаворитку... Пожалуй, третьей придет она.
– Она придет четвертой... Я за Грома, – сказал граф Запольский. – Ваш Петров плоховат... Сядь на нее мой Гальтон, она могла бы быть, пожалуй, второй или третьей.
– Ну, вас можно поздравить заранее, – заметил граф Дуббельт. – Для моего Джека вы не оставляете даже третьего места.
– Почему же? Ваш чудный Джек может побить Грома...
– Вас просят, – доложил лакей Васильковскому.
Наездник Петров почтительно докладывал ему что-то.
– Так... так... ну что же... пусть едет... очень хорошо... Какое дело, господа, – обратился Васильковский к членам. – Мой Петров передал мне, что не может скакать на Мэри...
– Отказывается? Значит, она не пойдет?..
– Почему же? Нет, она не отказывается... На ней поедет... – он остановился, – сам старый Числов!.. Просит позволить ему скакать...
– Федор Числов?.. Он?.. Он?! – раздался голоса.
– Да, господа... этот старик... Он ведь готовил Мэри... Ведь эта лошадь его, как вы знаете... Надо доставить старику удовольствие вспомнить прежнее время.
– И с треском провалиться?.. – весело засмеялся Запольский. – Упорный старикашка! Он смеялся непринужденно, покусывая сигару.
– Пусть его возьмет третье место, – сказал Грибский. – Да, когда-то был знаменитым жокеем... его недаром боялись...
– Хорошо-с, – сказал председатель. – Прикажете переставить фамилии.
– Что такое? Что?.. – заволновались трибуны. – Снимают кого-то... Мэри не идет?.. Нет, это Петрова вытащили... Кто же поскачет?
Бинокли следили. К высокой железной раме, где висели дощечки с номерами лошадей и фамилиями жокеев, подошел конюх и снял Петрова. Остался пустой номер 6.
– Да кто же поскачет? – шумели в трибунах.
– Федор Числов!.. Числов?.. Кто? Какой Числов? А-а... это тот... Запольского бывший... А говорили, он умер... Вот так «умер»! Помните, еще провалил Цезаря...
– Ага! Так это он, старина?.. Лавры Гальтона соблазнили... Ну посмотрим!
В общем, публика отнеслась безучастно: Числов уже был забыт, так как Гальтон затмил всех. Дали первый звонок.
Донни!..
Лошадей звали на круг. На трибунах притихли. Вдали от конюшен показалась первая лошадь. Синий камзол с белой лентой.
«Гром!..» – пробежало по трибунам. Черный как уголь, с белым пятном на лбу, вразвалку шел Гром. Он выбрасывал в стороны свои на взгляд тяжелые ноги. Маленький Болотников чуть виднелся из-за крутой головы: он сильно откинулся, сдерживая своего гиганта.
– Здорово, Болотников! Держись бодрей! – крикнуло несколько голосов.
– Жаннет! Вон Жаннет... на повороте!.. Видите, красный камзол, желтые рукава... Это Кэт едет...
– Bravo, Жаннет, bravo!..
Вся белая, подтянутая, точно борзая, проходила Жаннет легким галопом. Она порхала снежинкой.
Тощий, с красным лицом, пронесся Кэт, жокей Грибского. Он сегодня взволнован: предстоит борьба с Лэди.
– Bravo, Кэт!
Кэт осадил «снежинку», нагнулся, что-то поправил, уронил хлыстик. Конюх подал ему. Кэт прощупал шею Жаннет, надвинул картуз и понесся к беседке.
Белый камзол, с зеленой через плечо лентой, сверкнул на дальней стороне круга: гнедая, плотная, точно свинцовая лошадь скакала к трибунам.
– Пуля идет, как машина!.. Чего он гонит ее, этот Чванов? Чванов, не гони-и!.. – зашумели трибуны. – Как мешок сидит...
Танцуя, приближается Лэди... Она неспокойна: конюха держат ее. Все ближе, ближе... Вот отскочили в стороны, и Лэди пошла ровным, легким галопом, мотая тонкой головкой. Темно-рыжая, с белой головкой, она очень эффектна. Гордая шейка закинута и прижата к широкой груди. Белоснежный Гальтон хлыстом щекочет Лэди под шейкой.
– Она! Bravo, Лэди! Bravo, Гальтон!..
Англичанин гордо смотрит в толпу: он так уверен в победе. Плотная фигура графа

показывается у беседки. Он трогает Лэди за холку, щупает ноздри затянутой в перчатку рукой.

– Как она?.. Вы уверены? – тихо говорит он Гальтону.

– Еесс... да... – говорит англичанин. – Лэди в порядке...

– А Мэри?..

Англичанин поправляет картуз.

– Мэри?.. Нэт... нэт... ви увидит... она не сильный лошадка... У старика дрожат руки... я видел... Он улыбается и пускает Лэди галопом.

Быстро промахнул рыжий Джек, бросился в сторону и чуть не скинул жокея в зеленом камзоле. В публике смех. Прошла Крошка Каминского.

– А это кто? Мэри? Золотистая... белые ноги... Что она топчется так? Пошла... пошла... Да она меньше всех! Она сейчас сбросит эту старую рухлядь! Смотрите, как идет!.. Да она не хочет идти!..

На повороте, влево, светится желтый камзол с алой лентой. Красный картуз едва виден.

– Вон старый Числов!.. Ишь согнулся, как ерш!..

– А хороша Мэри!.. Как пчелка, право...

– Нет, какова она рядом с Громом!.. А старик куда лезет?.. Ну, пусть потягается...

Опустив сухую головку, боком подвигается Мэри, выбрасывая белые ножки. Дрожь пробегает по ней. Согнувшись, проезжает Числов трибуны. Его тянет взглянуть в черное море голов, туда, где когда-то с восторгом выкрикивали его имя, где теперь так невнятно гудят голоса. Перламутровый хлыстик крепко зажат в дрожащей руке; упрямо, не отрываясь, смотрит старик в подрагивающую золотистую гривку. Он слушает... Точно застыло сухое лицо, пузырем вздувается желтый камзол на спине.

– Фью... фью... – как удары хлыста по лицу, упали с трибун два-три свистка: старые «друзья» приветствовали старого жокея.

– Как заяц на заборе!.. Да он разучился сидеть!.. Он совсем сполз на шею!..

– Еще бы!.. Это его старая посадка... он хитер, старина! Не упади, старик!..

Старый жокей слышит. На лбу выступил пот, дрогнул хлыстик, натянулись поводья и остановили Мэри. Опять это давно знакомое ощущение приятного страха, но это скоро пройдет... «Подождите, Мэри зажмет вам глотки!.. – думает старый жокей. – Ну же, Мэри, ступай!..»

Подъехал Гальтон, остановился, здороваются. Мэри и Лэди косятся, танцуют, хотят дотянуться, чтобы лизнуть друг друга.

Жокеи натягивают поводья и разъезжаются, зорко осматривая лошадей.

«Старик беспокоится... Мэри недурно выглядит», – подумал Гальтон.

«Он уверен в победе... Какая широкая грудь у нее», – сказал про себя старый Числов.

Они обернулись, встретились взглядами и заторопили лошадей.

К Числову подошел Болотников на Громе.

– Как, старина, а?.. Видал Лэди? Хоть бы второе место досталось... Ну, что Мэри, как?

– Не знаю... – пробормотал Числов, – не знаю... горячится она сегодня... боюсь... с места плохо берет...

Он протянул руку товарищу, и Болотников увидал растерянный, словно выпрашивающий взгляд.

– Ничего, ничего, Федя... не теряйся... – сказал он, пожимая холодную руку товарища, а сам подумал: «Эх, не тот он, не тот... пропадет».

Донни!.. Донни!..

Лошадей призывали к старту. С красным флагом уже стоит высокий брюнет у столба. Он будет пускать.

– Станови-ись!.. Выравни-айсь!..

Заторопились жокеи, скачут к беседке, натягивают плотней картузы, ровняют поводья. Зорко смотрит человек с флагом. Притихли трибуны.

– По нумерам! По нумерам! Кэт, на свое место! Числов, не выскакивай!.. Шире, не жаться! – как на пожаре, кричит стартер.

Лошади храпят, фыркают, выбрасываются, поднимаются на дыбы. Их охватило чувство задора.

– Числов! Держа-ать Мэри!.. – кричит стартер.

От барьера, по внутренней стороне круга, стали: Гром, Пуля, Джек, Лэди, Жаннет, Мэри, Крошка и еще четыре...

Флаг рванулся, сделал зигзаг и упал.

Дзиннь!..

Пошли...

Черная масса трибун глухо ахнула и затихла. Вытянулись головы вправо. Бинокли следят за пестрой кучкой жокеев.

Мэри замялась на старте...

В голову ударило Числова, завертелось в глазах. Выплыл белоснежный камзол корпусах в

четырёх впереди. Черный Гром с темно-синим пятном жметя к барьеру. Пуля скачет, чтобы перерезать дорогу. Снежинка Жаннет выбирается правым полем... А Мэри...

Кажется, целая вечность прошла... Нет, только секунда потеряна. Сгорбился старый жокей, перевалился на шею Мэри, а та уже ровно идет, пригнувши острые ушки.

Граф Запольский откинулся в кресле: теперь все решилось, Лэди возьмет. Вон она уж обходит Жаннет, Джека; Гром отступает... Старый жокей неопасен: он далеко за всеми.

– Лэди!.. Лэди!.. – гремят трибуны. – Жан-нет! Пропала Мэри!.. Смотрите, Гром опять выходит!.. Молодчина Болотников!..

Бегут секунды... Плавно пощелкивает тонкая стрелка аппарата в беседке.

То опускается, то подымается золотистая Мэри. Впереди торчит чей-то хвост, противный, надоедливый хвост, щекочет волнующиеся ноздри... Надо достать его, надо...

Чик-чик... чик-чик... – звенит что-то сзади. Это перламутровый хлыстик постукивает по ремню. Знакомое что-то... Уже нет впереди хвостика, влево белеет камзол, на нем зеленая лента.

– Цо-цо-цо-цо... цо-цо... так... так... Мэри... цо-цо... – шепчет знакомый тревожный голос.

Чик-чик... чик-чик... Плотней пригибаются ушки. Вертит поводьями старый Числов, свистит по козырьку ветер. Знакомое чудится Мэри... Так свистело там, где шумел старый вяз.

Трррр... трррр... – трещит от ветра камзол, – трррр... Опять знакомое. Так ворчал милый Жук, пожимаясь от холода.

– Мэри... Мэри!.. – шепчет знакомый голос, – не шепчет, а молит.

Чья-то спина сбоку, влево... Ага, это Пуля с упорством отступает назад. Опять впереди чей-то хвостик, зеленый пузырь так противно трещит...

Ровно колышется золотистая гривка. Зоркие глаза упорно смотрят.

«Нет, не устала... нет пота», – думает Числов.

Слева отступает зеленый камзол. Джек храпит сзади. А впереди пестрыми пятнами дразнят глаза шелковые камзолы, вертятся хвостики...

«Надо достать...»

Ниже к земле чувствует себя старый жокей, звончей режет по картузу назойливый ветер. Сильней стелет золотистая Мэри...

Резко гикает Болотников сбоку, мокрый Гром глухо бьет в землю тяжелым копытом. Вот впереди вертится в воздухе хлыст... Что это? Желтый рукав, белый круп... Ага, это Жаннет! Сдается Кэт, бьет «снежинку» хлыстом.

– Жаннет бьют!.. – доносится эхо трибун. – Мэри выходит! Мэри идет!.. Мэри!.. Старый жокей слышит все.

– Цо... цо... цо-цо-цо... так... голубка... цо-цо...

Уставать начинают старые руки, колесом ходят, дают и принимают поводья.

Вот сажень[17] в двух впереди белоснежный камзол, темно-рыжая Лэди сверкает подковой. Еще ближе... еще...

– Лэди! Лэди!.. Гальтон идет!.. На прямую выходит! – гремят впереди трибуны. – Где Лэди?.. Ведь это же желтый камзол!.. Это Мэри!.. Смотрите, Лэди порют хлыстом!.. Пропадет Лэди!.. Похолодел старый жокей: он видит на золотистой шейке крупные капли... Взмокла дрожащая гривка, что-то хрипит внизу...

– Лэди выходит!.. Садится Мэри!.. Bravo, Гальтон!..

Столб впереди – сажень тридцать осталось. Гремят восторгом трибуны. Бегут конюха из круга. Фотограф держит моментальный затвор.

– Bravo, Лэди! Пори ее, бей! Бей!.. Бей, Гальтон!!

Хрипит у Мэри в груди. В струнку тянется тонкий корпус. Едва сидит старый Числов, немеют руки... Только десять сажень осталось.

– Ага!.. Сдается... сдается... – уже хрипит Числов и только теперь поднимает перламутровый хлыстик.

Раз!.. Раз!.. Раз!..

Молнией ринулась Мэри, золотистой стрелкой скользит над землей. Вот он, надоедливый хвостик, пропал сбоку... Ползет назад белоснежный камзол, желтое лицо англичанина; вытянулся он, вертит хлыстом, как винтом.

И слышит он голос:

– Мэри!.. Мэри!.. Цо-цо-цо...

– Мэри берет!.. Bravo, Числов!.. Сдает!.. Лэди выходит!.. Bravo, Гальтон!.. Bravo, Числов!..

– Мэри! Мэри!.. Лэди пропала!.. Вот она, Мэри!..

Дзинннь!..

Кончилась скачка. Гремят трибуны, словно морские валы. Люди бегут...

Старый жокей лежал на земле, далеко за столбом, рядом билась ногами непобедимая Мэри.

– Доктора!.. Доктора!.. Кровь идет горлом!.. А с ним что?.. Подымите же старика!.. – кричат и суется кругом.

Числов поднялся. Под ногами он увидел умоляющие глаза, мокрую гривку, сбитое набок седло

и ясные подковки на белых ногах.

– Она надорвалась! – говорит кто-то.

Числов рванулся вперед, споткнулся.

Его кто-то схватил. С ужасом смотрел он на алую струйку.

– Мэри!.. Мэри!.. – стоном вырвалось у него. – Убил... убил!!!

Он сорвал с себя красный картуз, рванул желтый камзол. Он задыхался. Перламутровый хлыстик, сломанный, валялся около головы Мэри.

– Позвольте-с...

Плотный ветеринар, в офицерском пальто, нагнулся к Мэри. Публика бежала с трибун.

Старый жокей тупо смотрел в одну точку: он не мог оторвать взгляда от угасавших, уже полузакрытых глаз.

– Пристрелить! Пристрелить!.. Зачем мучить?.. – кричало несколько голосов.

– Пристрелить?! Она... умерла?.. Мэри умерла?! – спрашивал, как безумный, Числов.

Он стал опускаться, зашатался, но его поддержали.

– Кровохарканье... – услышал он голос ветеринара. – Она надорвалась... Лопнул кровеносный сосуд в правом легком. Она оправится...

Шепот облегчения пробежал по толпе... Числов опустил к голове Мэри, обнял за шею и тихо, как ребенку, сказал:

– Мэри!.. Ты жива!.. Я не убил тебя... нет... нет... Я не мог убить тебя, Мэри... не мог!..

Он говорил ей, а она смотрела печально, точно что-то хотела сказать.

– Только уж для скачек она не годится! – сказал ветеринар, закуривая папиросу.

– Жаль... Вы, Федор Ионыч, целый капитал потеряли... Мэри стоила бы больших денег.

Числов мрачно оглядел всех и отвернулся, точно хотел сказать: «Уйдите прочь!»

Болотников подошел к нему, взял за руку и долго не выпускал. Только один он, может быть, понял старого друга.

Мэри зашевелилась: она хотела подняться. Ей помогли, и она, широко расставляя ослабевшие ноги, пошла за хозяином. Публика волновалась на трибунах.

Конюха поспешно накрывали попонами дымившихся лошадей.

– Пожалуйста... сейчас господин председатель сошли... будет передача приза, – сказал распорядитель Числову.

Оркестр заиграл туш.

– Числова! Числова!.. Мэри!.. Победительницу!.. – гремело с трибун.

Старый жокей смотрел в землю.

«Ступай же и получай приз!» – насмешливо кричал в душе голос.

Глава XI. Итоги

Сентябрь уже позолотил вершину старого вяза. Тысячи листьев покрыли новую зеленую крышу домика. Его уже нельзя узнать. Белый забор протянулся красивой узорчатой лентой.

Маляры красили резные ворота. Поправленный домик уже не имел сиротливого вида: он подбодрился, выпрямился, крылечко игриво выступило во двор, белая труба весело посылала к небу синеватую струйку дыма. На месте сарая протянулся бревенчатый сруб теплой конюшни, крытой железом. У самых дверей ее уютная конура с коньком и соломой внутри.

Был вечер. Гасла заря на вершине старого вяза.

Жук собирался лезть в конуру на ночлег. Воробей, вылинявший и теперь точно покрытый лаком, чистил носик на крыше конюшни. Клонило ко сну, веяло тишиной и покоем.

– Вот и конура у вас... чик-чик! – сказал воробей.

– Да... конура...

– И новый забор... домик поправили... Мэри в теплой конюшне... Что!.. Помните, я говорил вам?.. Мэри сделала свое дело... А вы не верили все...

– Да...

«У-ух... у-ух...» – глухо отдалось в конюшне.

Воробей вздрогнул. Жук ниже опустил голову.

– Слышите?.. Что это с ней? – спросил он. – Тогда этого не было...

– Да... особенно ночью... Я слышал, что это болезнь...

– Болезнь? – еще ниже опустил голову Жук.

– Мэри стала не та... Помните, как она пугала меня в кормушке?..

– Да... да...

– Теперь этого нет... и мне скучно. За ночь она не скажет ни слова, а овес лежит днями... Мне жалко ее, Жук...

– Ах, не говорите!.. Мэри уже не подымает свою подковку. Помните, когда она вернулась, я бросился к ней, схватил лапами ее ножку... А она нагнулась, полизала меня и так печально взглянула... Я плакал всю ночь... Что с ней?.. Как я хотел бы вернуть прежнее время!..

«У-ух... у-ух...» – кашляла Мэри.

– Я, знаете, почти не ночую в конюшне, – сказал воробей. – Мне страшно от этого уханья... А

хозяин-то стал еще скучнее... На днях я видел, как он стоял в конюшне и плакал. Смотрите, вот он идет...

Дверь домика отворилась. Хозяин, желтый, худой, небритый, спустился с крылечка, отпер конюшню и вывел Мэри.

– Ну, погуляй... подыши... голубка...

Мэри остановилась возле колодца. Она опустила голову и смотрела в землю, раздумывая о чем-то... Плечи ее провалились, влажная шерсть потускнела, гривка не топорщилась щеткой... Ввалились бока,гнулись тонкие ноги.

«У-ух... у-ух...»

Мрачно глядел на нее старый жокей. Что он думал?..

Качаясь, подошла Мэри к Жуку, обнюхала морду, фыркнула и отошла к конюшне.

– Что же, не хочешь гулять?.. Все лежишь... Ноги дрожат у тебя... – сказал старый жокей.

Мэри подняла голову. Слабые синеватые глаза ее стали больше и глубже.

«И-их... у-ух... у-ух...»

Она хотела заржать и закашлялась, бессильно трясая головой.

– Подожди, покрою тебя...

Он прошел в дом.

– У вас... конура новая... Жук, я очень рада...

– Ах, не все ли равно! – сказал Жук. – Я вас так редко вижу... Вы, Мэри, забыли меня...

– Нет, что вы... Я только немного устала... после скачки и не могу стоять... и играть с вами, Жук... Раньше, когда я была в старой конюшне, я играла... А теперь... Жук, вы помните Ваксу?.. Ну вот... и я стала та кой же...

– Здравствуйте, Мэри!.. Вы не забыли меня? Чик-чик... – спросил воробей.

– Ах... это вы... Мне трудно... поднять голову... Я вас плохо вижу... Нет... я вас помню... Но почему вы не кричите так, как тогда?

– Невесело мне... чик-чик... – грустно сказал воробей.

Из домика вышли хозяин, Анна Федоровна, Надюшка и Сенька.

– Мэли!.. Мэли!.. – захопала Надюшка. – Покатай, дедуска!..

– Нельзя. Мэри больна...

Все замолчали. Сенька смотрел исподлобья. Старик надевал на Мэри попону.

«У-ух... у-ух...»

– Дедушка! Зачем ты уводил Мэри? – вдруг спросил Сенька. – Она была здорова тогда... Зачем ты уводил ее, зачем?..

Старый жокей ничего не сказал и повел Мэри в конюшню. Долго сидела семья на крылечке. Потемнел старый вяз. Ночь опускалась на домик.

– Зачем все это случилось?! А-а-а... – глухо сказал старый жокей. – Лучше бы не возвращаться совсем...

Он положил голову на руки.

Проклятая слава!..

Осенней ночью, когда гудел старый вяз, воробей вдруг проснулся. Его испугал стон. Бил холодный дождик в оконце. Что-то хрипело.

Воробей в страхе метнулся, ударился в стенку и опустился. Стало тихо-тихо.

– Мэри!.. Это вы?..

Ни звука.

Он почувствовал под собой что-то теплое, влажное.

– Это вы, Мэри?!

Он скакнул раз-другой... Это гривка – она не дрожит!

Он ступил на голову, на ноздри, сел на ухо... Твердое ушко не дергается.

Ему стало страшно. Он нашел знакомую щель и попал под холодные струи дождя. Вон в темноте белеет конурка.

– Жук!.. Проснитесь!!

– Что такое? Что?.. – высунулась лохматая голова.

– Мэри... там... умерла наша Мэри... Жук, что нам делать?! Чик-чик-чик... – затерялся печальный писк в шуме ветра.

Жук вылез, нагнул морду к земле и завыл...

«У-у-у-у...»

В доме было темно. Скрипел старый вяз, падали листья.

Тревожно спал старый жокей.